

Историография народнического движения глазами его участников

В статье на основе материалов журнала «Каторга и ссылка» и секции по изучению общественного движения 1830–1870-х годов при Обществе политкаторжан рассматривается такой аспект советской историографии народничества 1920–1930-х годов, как взаимодействие между историками и участниками революционного движения. Автор выделяет те основные группы проблем, которые были подняты старыми революционерами в их критике работ историков народничества.

Ключевые слова: советская историография, народничество, историография революционного движения, историческая память, Общество политкаторжан.

В советской исторической науке и публицистике 1920–1930-х годов тема народничества и в особенности народо-вольчества была одной из самых обсуждаемых и политически острых. Та модель истории России, которая начала выстраиваться после 1917 г., нуждалась в новых культурных героях, и представители революционного народничества с их ярким героическим прошлым были очевидными претендентами на эту роль. Кроме того, в исторической литературе 1920-х годов часто встречались попытки «модернизировать» наследие народников, представив их в качестве предшественников большевизма. Однако такое видение народничества по ряду причин у многих вызывало резкое неприятие. Финальной точкой столкновения двух позиций стала знаменитая дискуссия о «Народной воле» 1929–1930 гг. 50-летний юбилей создания «Народной воли» совпал с годом «великого перелома», и дискуссия проходила на фоне начавшейся коллективизации

и кампании против «кондратьевщины» и «неонародничества», что предопределило ее политизацию. На И.А. Теодоровича, выступившего в роли главного «защитника» народничества, посыпались обвинения в «правом оппортунизме» и «смазывании» грани между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. Нападки на И.А. Теодоровича были вызваны не только его докладом о «Народной воле», но и его деятельностью на посту заместителя наркома земледелия и связями с Н.Д. Кондратьевым.

С середины 1930-х годов официальной стала новая, однозначно негативная, оценка народничества как «беспочвенного» интеллигентского движения, опирающегося исключительно на свою теорию «героев и толпы». Изучение народничества в советской историографии было прекращено и возобновилось только в период «оттепели».

Эта идеологическая сторона советской историографии народничества достаточно хорошо изучена в работах М.Г. Седова, А.И. Алаторцевой, В.Ф. Антонова, М. Юнге¹. Помимо связи с актуальными политическими вопросами, процесс изучения народничества в этот период обладал еще одной важной особенностью: он проходил при непосредственном участии самих деятелей народнического движения. В данной статье рассматривается проблема взаимодействия между историками и участниками революционного движения в 1920–1930-е годы на примере тех случаев, когда «старики» (В.Н. Фигнер, М.Ф. Фроленко, Н.А. Морозов) выступали с критикой работ советских историков.

Важную роль в изучении истории народничества в 1920–1930-е годы играло Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПК), существовавшее в 1921–1935 гг.² Оно объединяло людей, принадлежавших когда-то к разным политическим течениям, прошедшим через каторгу и ссылку. Целями ОПК были, прежде всего, материальная взаимопомощь, собирание и изучение воспоминаний, документов по истории революционного движения, каторги и ссылки. При ОПК активно работало издательство, выпускавшее, в том числе, журнал «Каторга и ссылка», страницы которого стали местом встречи тех, кто изучал историю революционного движения, и тех, кто эту историю делал. В журнале публиковались как работы историков, так и воспоминания, рецензии, статьи непосредственных участников революционного движения, а такие известные деятели народничества, как М.Ф. Фроленко и Е.Н. Ковальская, долгое время были постоянными членами редколлегии журнала.

Также в Обществе политкаторжан действовала секция по изучению общественного движения 1830–1870-х годов. Членами секции

были как историки (Б.И. Горев, Б.П. Козьмин, А.А. Кункль, Ф.И. Витязев, В.И. Невский, В.П. Полонский, Ю.М. Стеклов), так и революционеры-народники (М.П. Шебалин, В.Н. Фигнер, М.П. Сажин, А.В. Якимова). Таким образом, данная секция была тем местом, где происходило непосредственное взаимодействие между историками и участниками революционного движения в ходе совместного обсуждения докладов, статей, книг. На заседаниях секции можно было столкнуться даже с такой ситуацией, когда историк Б.П. Козьмин, выступив с докладом «Революционная деятельность М.П. Сажина в 1860-е гг.», смог выслушать дополнения и замечания непосредственно от самого «объекта» своего изучения³.

Одним из основных источников по истории революционного движения были и остаются документы «охранки», которые стали доступны исследователям после 1917 г. Проблема использования и достоверности этого исторического источника была поднята в дискуссии 1933 г. между молодым историком П.И. Анатольевым и участником революционного движения 1880-х годов П.А. Аргуновым. Статья Анатольева⁴ была посвящена истории Общества переводчиков и издателей, одним из основателей и активных деятелей которого и был П.А. Аргунов. Общество было создано в начале 1880-х годов, состояло в основном из студентов Московского университета, выходцев из Сибири, занималось переводом, изданием и распространением русской и зарубежной социалистической литературы.

При подготовке статьи Анатольев пользовался опубликованными воспоминаниями Аргунова и их расширенной авторской версией. Однако основным источником послужили архивные документы Московского охранного отделения. В своем отклике на статью Аргунов отмечал, что автор недостаточно критично отнесся к этому источнику: «Переходя теперь к работе т. Анатольева, замечу, что для меня, как единственного, кажется, живого свидетеля и участника раскрываемой по архивам организации марксистского издательства 1882–1884 гг., эта работа дает еще и интересный материал для суждения о том, как те или иные события и лица преломлялись в головах жандармов и прокуроров и что эти головы оставили в наследство для будущих историков. <...>

Забавно и приятно в свое время было видеть, в какой темноте блуждали самоуверенные жандармы, уверявшие на допросах, что они “все знают”. Но обидно видеть теперь, спустя 50 лет, что жандармское наследие попадает в историю как нечто заслуживающее доверия в глазах историка»⁵.

В своей статье Анатольев приводит письмо Л. Тихомирова к Г. Лопатину, обнаруженное в деле московской «охранки» 1884 г.

об «Общестуденческом союзе», в котором говорится о некоем революционном кружке. Анатольев посчитал, что это письмо имеет отношение к Обществу переводчиков и издателей и использовал его в качестве источника информации об этой организации. Аргунов же утверждал, что письмо было ошибочно определено жандармами к делу московских кружков, а Анатольев стал как бы наследником этой ошибки. Негодование вызвал у Аргунова и список членов Общества, приводимый Анатолевым, основанный на данных охранного отделения. Аргунов считал невозможным использовать списки жандармов, так как в них зачастую попадали совершенно непричастные к делу люди, и приводил собственный список членов Общества переводчиков и издателей, полагаясь на свою память.

Противопоставление воспоминаний архивным документам было характерно также и для дискуссии, развернувшейся вокруг доклада, а затем и статьи Е. Кушевой об «Обществе народного освобождения»⁶. Кушева явилась первооткрывателем этой организации конца 1870-х годов, которая объединяла российских революционеров-якобинцев. Документальным подтверждением существования Общества служили обнаруженные Кушевой его устав, инструкции и воззвание. Однако в ходе обсуждения сами активные участники революционного движения 1870-х годов в лице В.Н. Фигнер, А.В. Якимовой, М.П. Шебалина не подтвердили выводов молодого историка, отрицая существование подобной организации⁷. Наиболее полно с критикой статьи Кушевой выступил М.Ф. Фроленко. Он предполагал, что «Общество народного освобождения» было мистификацией Ткачева и других сотрудников «Набата», которые хотели приписать Обществу, а значит и собственному влиянию, деятельность «Земли и воли» и других реально существовавших в России революционных организаций. Приводимые Кушевой документы, по мнению Фроленко, были просто частью этой мистификации и не могли являться доказательством существования Общества⁸.

Другим предметом критики историографии народнического движения, исходившей от непосредственных его участников, было преувеличение влияния идеологии и теоретиков социализма на революционеров. Например, в 1930 г. Б.И. Горев выступил на заседании секции в ОПК с докладом, в котором пытался показать большое влияние Прудона на народническое движение и даже прямо называл народovolьцев прудонистами. Присутствовавшие на заседании «старики» (В.Н. Фигнер, М.П. Шебалин) скептически отнеслись к выводам Горева, сказав, что «русский прудонизм был стихийным и обуславливался общей экономической обстановкой»⁹.

В том же году разгорелась полемика вокруг книги «Народовольческая журналистика» Дм. Кузьмина. Под этим псевдонимом скрывался Е.Е. Колосов – известный деятель партии эсеров. С 1907 по 1916 г., находясь в эмиграции, он изучал наследие Н.К. Михайловского, работая над его архивом. По воспоминаниям Е.Л. Олицкой, которая встретила с ним в Суздальском политизоляторе в 1933 г., Колосов «мог говорить о Михайловском часами», рассказывать «о его привычках, костюме, манере речи»¹⁰. Главным критиком книги Кузьмина выступила В.Н. Фигнер. По ее мнению, автор намеренно искажал факты и вольно пересказывал источники, чтобы преувеличить роль Н.К. Михайловского в редакционной деятельности «Народной воли» и его идейное влияние на народовольцев¹¹. С критикой Колосова выступили также историки Б.П. Козьмин, Б.И. Горев, П.И. Анатольев и И.А. Теодорович¹². Причем двое последних, в отличие от Фигнер, придали дискуссии ярко выраженный политический характер. Так, по мнению Теодоровича, Колосов использовал Михайловского для того, чтобы приписать народовольцам те идеи, которых позже придерживались эсеры, и вложить в уста народовольцев критику Советской власти за «декретирование» социализма¹³.

Иначе подошел к проблеме М.Ф. Фроленко, который считал, что историкам в принципе свойственно преувеличивать роль теоретиков в истории революционного движения, в то время как оно зачастую развивалось не под влиянием Лаврова, Бакунина, Ткачева или Михайловского, а исходя из определенных обстоятельств и возможностей: «Нас обвиняли в том, что мы бакунисты, другие в том, что мы лавристы, – все это чепуха. Мы были просто революционеры. С самого начала, когда мы додумались в 70-х гг. до революции, мы начали помимо Бакунина и Лаврова делать все по-своему. С чего начать? Глушь ужасная, надо сколько-нибудь поднять умственное развитие людей. Мы начинаем книги распространять, начинаем учить грамоте рабочих. <...> Хождение в народ было помимо всяких Бакуниных и Лавровых. Собственно, русская революция развивалась постепенно, смотря по обстоятельствам, к террору пришли потому, что сами обстоятельства сложились так, что вызвали этот террор, сама жизнь таким образом выдвинула этот вопрос о необходимости террора»¹⁴.

Конечно, в этих словах М.Ф. Фроленко можно заподозрить простое стремление подчеркнуть собственную независимость. В то же время нельзя не заметить, что историография народничества 1920–1930-х годов действительно занималась вопросами в основном интеллектуальной истории революционного движения.

Наиболее яркие работы и дискуссии того периода были посвящены идеологам народничества, развитию их взглядов, а также проблеме преемственности между теми или иными социалистическими учениями. В различных вариациях выделялись идейные направления в народничестве, и далеко не только ставшие традиционными лавризм, бакунизм и ткачевизм. Так, например, И.А. Теодорович видел несколько течений внутри народовольчества, которые он сформулировал как бабувизм, предсоциалдемократизм и политический радикализм¹⁵. Сами же старые народники пытались показать, что это чрезмерное увлечение интеллектуальной составляющей истории революционного движения часто приводит к ошибочным выводам из-за того, что историки оставляют вне поля своего внимания его эмоциональную и повседневную сторону. Так, известный народоволец Н.А. Морозов писал в 1933 г.: «...мы принимали людей в свою организацию не по деталям их идеологии, а по энергии и готовности жертвовать своей жизнью в борьбе с общим врагом. <...> Но это еще не значит, что у нас тогда совсем не интересовались теоретическими вопросами социологического характера, – ими интересовались, но к ним относились так же спокойно, как, например, к вопросам о происхождении солнечной системы или жизни на небесных светилах. Большинство одинаково сочувствовало Бакунину, Лаврову, Михайловскому, Лассалю, Марксу и Энгельсу»¹⁶.

Критику со стороны «стариков» часто вызывало навязывание революционерам принадлежности к определенному направлению. Так, М.Ф. Фроленко и Л.Г. Дейч указывали, что Кушева в целях расширения круга потенциальных членов «Общества народного освобождения» ошибочно приписала некоторых участников революционного движения к якобинцам. Наибольшее недоумение вызвало то, что Кушева в качестве доказательства принадлежности И.М. Ковальского к Обществу приводила факт нахождения у него при обыске большого количества номеров ткачевского «Набата»¹⁷: «Русские революционеры постоянно пользовались заграничной литературой, издававшейся различными революционными группировками, но это не обязывало их быть лавристами, бакунистами или ткачевцами»¹⁸.

«После несчастного дела с Гориновичем я [Л.Г. Дейч] и Стефанович нашли себе приют у одного офицера, и в один прекрасный день контрабандист привез большой чемодан, не то баул, и там оказалось довольно много экземпляров “Набата”, и если бы полиция нас арестовала, нас могли бы причислить к его [Ткачева] последователям»¹⁹.

Распространенной в 1920–1930-е годы тенденцией было преувеличение влияния марксизма на российское революционное движение. Элементы марксизма обнаруживались во взглядах Чернышевского, Ткачева, Лаврова и многих других. Шел поиск российских корней марксизма, в том числе, и марксистских организаций внутри России первой половины 1880-х годов. В этом русле была написана и статья П.И. Анатольева, о которой уже шла речь выше. Анатольев доказывал, что Общество издателей и переводчиков эволюционировало в сторону марксизма, опираясь на перечень издаваемых им книг²⁰. П.А. Аргунов же посчитал такой подход к анализу эволюции идеологии Общества неверным, так как выбор той или иной книги для издания не всегда делался по идеологическим причинам: «Если замечается перемена в программе изданий от Луи Блана и Дюринга к Марксу и Энгельсу, так это не результат идеологического сдвига. Мы начали осторожно – с политических писателей, желая нащупать почву в публике и не очень возбуждать ретивость жандармов. Почва оказалась благодарной, требующей революционных и социальных учений, а бдительность “стражей” мы усыпили тем, что стали печатать брошюры в виде лекций по политэкономии. Идеология же оставалась без существенных изменений»²¹.

Таким образом, на основе материалов журнала «Каторга и ссылка» и сохранившихся протоколов и стенограмм заседаний секции по изучению революционного движения 1830–1870-х годов при ОПК можно выделить две основные группы проблем, поднятых «стариками» в их критике историографии народничества. Первая – это противопоставление собственных воспоминаний письменным документам, которые преподносятся как менее достоверные. На одном из заседаний М.П. Сажин даже сказал: «Современные исследователи, изучая прошлую жизнь по письменным материалам, часто искажают прошлое»²², подчеркнув таким образом, что причиной неверных интерпретаций являются именно документальные источники. Вторым наиболее распространенным основанием для критики было то, что историки сосредотачивали свое внимание прежде всего на интеллектуальной истории народничества, воспринимая ее в отрыве от практических, повседневных задач, стоявших перед революционерами, и преувеличивая таким образом влияние теоретиков социализма и роль идеологии в революционном движении.

Примечания

- ¹ *Седов М.Г.* Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М., 1965. С. 246–269; *Алаторцева А.И.* Дискуссия о Народной воле в советской исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х годов // История и историки. М., 1990. С. 209–230; *Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопр. истории. 1991. № 1. С. 5–19; *Юнге М.* Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М., 2015. С. 301–363.
- ² *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935) // Конспект времени: труды и дни Александра Ратнера. М., 2007. С. 284–338.
- ³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 50.
- ⁴ *Анатольев П.* Общество переводчиков и издателей // Каторга и ссылка. 1933. № 3. С. 82–141.
- ⁵ *Аргунов П.А.* Еще об «Обществе переводчиков и издателей» (голос участника) // Там же. № 9. С. 73, 82.
- ⁶ *Кушева Е.* Из истории «Общества народного освобождения» // Там же. 1931. № 4. С. 31–62.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 66–66об.
- ⁸ *Фроленко М.* «Общество Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 81–100.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 69–69об.
- ¹⁰ *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания: В 2 кн. Франкфурт н/М., 1971. Кн. 2. С. 146.
- ¹¹ *Фигнер В.Н.* Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 231–275.
- ¹² ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 3–13. *Теодорович И.* По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5–104.
- ¹³ *Теодорович И.* По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым. С. 84, 86, 87.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–1об.
- ¹⁵ *Теодорович И.* Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 7.
- ¹⁶ *Морозов Н.* Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов // Там же. 1933. № 3. С. 144.
- ¹⁷ *Кушева Е.* Указ. соч. С. 47.
- ¹⁸ *Фроленко М.* Указ. соч. С. 91.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 25.
- ²⁰ *Анатольев П.* Указ. соч. С. 101.
- ²¹ *Аргунов П.А.* Указ. соч. С. 76.
- ²² ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 100. Л. 9.